

УДК 82-31, 821.161.1
DOI 10.17223/18137083/74/14

**Игровая историософия А. Иванова:
насилие формы и реабилитация смысла
(на материале романов «Псоглавцы» и «Пищеблок»)**

М. Л. Штуккерт

*Иркутский государственный университет
Иркутск, Россия*

Аннотация

Статья посвящена анализу специфики историософии А. Иванова в двух его романах, с точки зрения жанровой формы максимально не соответствующих масштабности исторической проблематики. Романы «Псоглавцы» и «Пищеблок» используют готическую жанровую модель, сохраняя специфику пространства и тип героя. Однако родовое готическое время заменяется историческим, переживаемым лично, субъективно. При этом остается такая специфическая черта готического времени, как повтор, проигрывание кризисного момента прошлого (например, явление призрака как напоминание о совершенном преступлении) до тех пор, пока равновесие не будет восстановлено. Автор отказывается от векторного изображения национальной истории, заставляя историческое время повторяться в цикле, напоминающем не только литературную готику, но и компьютерную игру. Речь идет не о дурной бесконечности, но об игровом повторе, рано или поздно приводящем к «прохождению» кризисного участка истории. Таким образом, в борьбе с жанровой формой происходит реабилитация содержания национальной истории.

Ключевые слова

Алексей Иванов, «Псоглавцы», «Пищеблок», историософия, игровые формы в литературе, жанровое мышление

Для цитирования

Штуккерт М. Л. Игровая историософия А. Иванова: насилие формы и реабилитация смысла (на материале романов «Псоглавцы» и «Пищеблок») // Сибирский филологический журнал. 2021. № 1. С. 182–190. DOI 10.17223/18137083/74/14

**Game historiosophy of A. Ivanov:
the violence of form and the rehabilitation of meaning
(based on the novels “Psoglavtsy” and “Pishcheblok”)**

M. L. Shtukkert

*Irkutsk State University
Irkutsk, Russian Federation*

Abstract

The paper analyzes the specificity of Ivanov’s historiosophy in two novels, “Psoglavtsy” and “Pishcheblok,” which are particularly interesting in this sense since in terms of genre, they do not correspond to the scale of historical issues as much as possible. These novels use the

© М. Л. Штуккерт, 2021

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2021. № 1
Siberian Journal of Philology, 2021, no. 1

Gothic genre model, preserving the specifics of artistic space and type of hero. However, the generic Gothic time is replaced by historical time, experienced personally and subjectively. Meanwhile, a specific feature of Gothic time is retained, such as repetition, replaying a crisis moment of the past until the balance is restored. The author refuses a vector image of national history, forcing historical time to repeat itself in a cycle that resembles not only literary Gothic but also a computer game. It is not a question of bad infinity, but a game repetition, eventually leading to the “passage” of a crisis section of history. Thus, the struggle against genre form rehabilitates the content of national history. This principle also defines the history concept as a whole: A. Ivanov tends to see the historical process as including both the aggression of “form” (empire, state power, fate) and the defense of “content” (humanity revealed in individual choice), which, being opposed, are equally necessary for each other. Not only does the method based on the struggle and mutual necessity of form and content shape historiography in A. Ivanov’s novels, but it also organizes their artistic world. Ivanov’s game historiography is thus opposed to a postmodern game tending to destruct form and meaning.

Keywords

Aleksey Ivanov, “Psoglavtsy,” “Pishcheblok,” historiography, game forms in literature, genre thinking

For citation

Shtukkert M. L. Game historiography of A. Ivanov: the violence of form and the rehabilitation of meaning (based on the novels “Psoglavtsy” and “Pishcheblok”). *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 1, pp. 182–190. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/74/14

«Русская самобытная мысль пробудилась на проблеме историософической», – писал Н. А. Бердяев, имея в виду рождение национальной философской традиции в XIX в. [2016, с. 42]. К историософским вопросам обращалась русская классика XIX и XX столетий, интерес к ним не угасает и сейчас. В меру своих возможностей, с разными целями вторгается в это проблемное поле и массовая литература. И здесь же, как кажется, русская мысль нередко заходит в тупик.

Среди многочисленных современных художественных спекуляций и художественных концепций, связанных с осмыслением национальной истории, выделяется историософская позиция А. Иванова. Это связано не только с разнообразием его профессиональных поприщ (писатель, сценарист, педагог, музейный работник, краевед, экскурсовод, популяризатор истории Перми), не только с его востребованностью и «экранизируемостью» – его романам также присущ ярко выраженный региональный компонент. Писательская стратегия А. Иванова – сознательное местничество: его тексты подчеркнута, провокационно «не имперские». Это соблазнительно прочитать в русле конфликта провинции и столицы¹, однако авторская позиция провокационностью не ограничивается.

Особенность историзма А. Иванова состоит, во-первых, в его удивительной «всеядности», разнообразии форм проявления, вплоть до самых массовых: он являет себя, пытаясь охватить максимально доступное культурное пространство. Пример – «Тобол», исторический роман, ставший частью глобального проекта: книга в двух частях, по которой автор создал сценарий для сериала, явилась также основой для отдельного полнометражного фильма, вышедшего в прокат в 2018 г. А. Иванов словно подчеркивает эпичность «Тобола» масштабностью массового

¹ «...на этом противостоянии и держится русская культура – словно электрическая дуга между катодом и анодом» [Щербино, 2005].

проекта. Это дает возможность автору быть услышанным, доступным, но приводит и к ряду проблем².

Во-вторых, очевидно, что для автора передача чувства истории связана с проблемой выбора и определения жанра. Так, «Сердце пармы» и «Золото бунта» иногда описываются как «историческое фэнтези» [Кузнецов, 2003], что неверно, но показательно: читатель чувствует удивительную, почти фантастическую свободу автора в осмыслении самых болезненных вопросов национальной идентичности³. «Сердце пармы» сравнивают с романами Дж. Р. Р. Толкина, имея в виду их мифопоэтическую природу [Кузнецов, 2003; Лобин, 2012]. При издании «Сердце пармы» был определен как роман-легенда. Заметно в исторических романах А. Иванова и жанровое влияние сказа: так, в связи с «Золотом бунта» автор отметил, что в качестве образца для себя выбрал скорее Бажова, чем Мамина-Сибиряка⁴. А. Иванов, как кажется, ищет форму, которая освободила бы его от жесткости исторического факта: например, «Тобол» он определяет как «роман-пеплум». Очевидно, что в классическом историческом романе, несмотря на его толерантность к вымыслу, автору «тесно».

Интересно, что при таком вольном обращении с жанровыми границами А. Иванов пытается привнести историзм в художественные пространства, во-первых, организованные максимально канонично и жестко, во-вторых, не приспособленные к работе с национальным историческим временем. Так, историзм присущ

² Например, проблема языка. Намеренная усложненность языка в романах А. Иванова нередко становится самой настойчивой деталью «местного колорита». Так, в «Сердце пармы» с первых страниц обращает на себя внимание сложность, с которой читателю приходится «пробираться» через дебри архаизмов и диалектизмов, что вызывает ассоциации с чтением древнерусского текста (в целом понятно, но хочется иметь словарь и перевод). Это не случайно, так как «Сердце пармы» отчасти имитирует летописную традицию, имея в интертексте и «Слово о полку Игореве» (тема земли, мотив червленых щитов). Используя словари В. Даля и В. П. Вереха, А. Иванов, по его признанию, искал «красивые» слова и для создания языка сплавщиков в романе «Золото бунта», так как «пространство без номинации – пустота» (см. статью А. Иванова «Золото бунта» на странице его официального сайта: <http://ivanproduction.ru/literoturovedenie/26.html>, дата обращения 27.07.2020). Такой метод создает атмосферность, стилизуя язык повествователя под «язык пространства». Эта особенность авторской манеры может быть расценена и как сознательно используемый игровой прием, и как стилистическая шероховатость (последняя мысль часто звучит в отзывах читателей и некоторых критиков). С другой стороны, Л. Данилкин замечает, что проблема языка в исторических романах А. Иванова не так уж серьезна [Данилкин, 2006]. Об этой проблеме с лингвистической точки зрения пишет Л. А. Колобаева [2020].

³ Вымысел не является чем-то необычным для исторического романа на любом этапе его развития, но А. Иванов не стремится подчинить вымысел правде факта, он, скорее, пытается уравновесить историческую правду и логику фантастического. Ср, например, противостояние чердынского князя Михаила и Асыки в «Сердце пармы». Это и политическое соперничество, и вражда из-за женщины, но есть и еще одно не менее важное объяснение: оба они хумляльты, люди, наделенные мистическим долголетием, которые не могут умереть до тех пор, пока до конца не исполнят свою судьбу. Выполнив предназначение, они умирают одновременно, их противостояние завершается, но ни политические, ни личные вопросы при этом не оказываются решенными. Как определяет свой метод сам автор, «...не в формате фэнтези, а в формате реалистического допущения» (см. статью А. Иванова «Золото бунта» на странице его официального сайта: <http://ivanproduction.ru/literoturovedenie/26.html>, дата обращения 27.07.2020).

⁴ А. Иванов. «Золото бунта». URL: <http://ivanproduction.ru/literoturovedenie/26.html> (дата обращения 27.07.2020).

даже самым развлекательным его романам, наиболее близким к массовой литературе и ориентированным на традиции западноевропейской готики («Псоглавцы», издан под псевдонимом «Алексей Маврин», и «Пищоблок»). Здесь проблема жанра стоит еще более остро. Оба романа на первый взгляд кажутся триллерами в духе Стивена Кинга (в «Псоглавцах» американский «король ужаса» упоминается прямо – в литературных ассоциациях главного героя). О влиянии неоготики свидетельствуют типы героев, сюжетные схемы, художественное пространство и атмосфера страха, декоративное использование фольклорных элементов⁵. Этот художественный мир, требующий известной камерности, автор попытался соединить с масштабными, кризисными эпизодами национальной истории (Олимпиада-80 как последний всплеск силы и красоты Советского Союза в «Пищоблоке» и агонизирующая на руинах Союза российская глубинка в «Псоглавцах» – в обоих романах звучит мотив распада, умирания).

Из названных романов именно «Псоглавцы» и «Пищоблок» кажутся более интересными в плане выражения концепции истории, так как в них выбор жанровой модификации может показаться особенно неподходящим для такой задачи. Литературная готика и неоготика, основанные на их открытиях массовые триллеры и хорроры в целом чужды историософии, национальная история может быть представлена в них скорее как фон. Названные жанровые модификации ориентированы на историю рода (фамильные поместья, замки, легенды, тайны, пороки – все это уже есть в «Замке Отранто» Х. Уолпола) и личную историю (начиная с романтических готических новелл). Несмотря на всю свою подвижность и вариативность, готическая литература тяготеет к внешней формульности и сохранению жанровой сущности, особенно в своих массовых и «cultural middle-class» вариантах. В этом смысле оба романа А. Иванова, настойчиво отсылающие нас к кризисным и еще не отрефлексированным моментам недавней национальной истории, помещенным в отчетливо воспроизведенную и хорошо узнаваемую оболочку «хоррора», могут показаться пародией или неуместной игрой, особенно неподготовленному читателю. Автор использует образы, которые, оставаясь готически увлекательными, аккумулируют в себе болезненные аспекты национальной исторической памяти. Так, в технике коллажа созданы образы Псоглавцев и вампиров. Для гротескных Псоглавцев автор находит множество культурных контекстов: оборотень из фильмов ужасов, существо из компьютерных игр (гнолл), Анупис и святой Христофор, запрещенный к изображению в своей звериной ипостаси. Однако исторически те же Псоглавцы – символ раскольников бунта (сопротивление насилию, в том числе насилием) и одновременно нечеловеческой жестокости власти (ассоциация с опричниками, их метлами и собачьими головами у сёдел), это и «торфяные гапоны», т. е. стражники, «боги конвоя» [Маврин, 2011]. В «Пищоблоке» пионерская звездочка, галстук и знамя становятся вампирскими оберегами, защищающими от солнечного света. Главный вампир («Черный стратилат» и одновременно почетный советский пенсионер) в юности берет себе имя Серп (символика фаз луны, орудие мирного труда и атрибут смерти), его брата, тоже вампира, звали Молотом, они оба – герои Гражданской вой-

⁵ Ср., например, в «Псоглавцах» придуманный автором заговор, который дважды читает главный герой: «Месяц Золотые Рожки обрати зверя в человека пролить мне ножом булатным его руду горячую» [Маврин, 2011, с. 280].

ны, соратники Чапаева, впоследствии – сотрудники НКВД⁶, воплощение агрессивной красоты советской истории [Иванов, 2018]⁷.

Если рассматривать подобные авторские находки как «ошибку», придется констатировать, что «ошибку» эту А. Иванов осознает и повторяет. Романы отделяют друг от друга 7 лет, что немало для активно пишущего автора; при этом сохранение интереса к определенным художественным формам и устойчивость ряда элементов художественной философии налицо. Оба романа получили самые противоречивые отзывы исследователей, критиков [Сухих, 2019, с. 115], читателей. Как кажется, не последнюю роль в этом играет жанровое мышление, вступающее в противоречие с писательской практикой.

Однако анализ романов А. Иванова в контексте жанрового мышления только кажется легким. Сам автор говорит о «Пищевом блоке» следующее: это «образцовая пионерская история <...> это не глумлѐж над советским строем, не постмодернистский фарс и не жанровое произведение, это очень светлый, ностальгический, радостный и увлекательный роман»⁸. Все это, конечно, не мешает роману демонстрировать определенные жанровые черты. Однако очевидно, что его создателю важно, чтобы читатель пошел дальше жанровых клише, возможно, поэтому ряд художественных особенностей литературной готики дан подчеркнуто гротескно. В одном из интервью А. Иванов объясняет свои художественные опыты «новым форматом», который он определяет как метамодернизм: «Постмодернизм берет литературу и безжалостно переделывает ее <...> А метамодернизм словно бы говорит: “А мне нравится, как было, я не хочу ломать, я хочу поиграть еще раз, но на новом уровне сложности”. <...> В метамодернизме литература сохраняет классическую драматургию и все прочие традиции, но реализм служит несколько иной цели. Он отражает не вещественный мир, а идеи, которые управляют этим миром. Поэтому, возможно, фантастическое, но все равно оно реальное» [Башмакова, 2018].

Как можно заметить, позиция автора выражена несколько сумбурно. Так, реалистический роман никогда не изображал вещный мир только ради него самого, а «идеи, управляющие миром», мы замечаем, например, в прозе Ф. М. Достоевского; нельзя забывать и о магическом реализме. Однако еще во времена «Золота бунта» А. Иванов признавал себя автором, действующим по законам постмодернизма («...с позиции постмодерна, ничего страшного: можно всё придумать самому, опираясь на семантику. Я и придумал. <...> Бажову было нельзя, а мне уже можно»⁹). В приведенной цитате нас занимает не столько теория постмодернизма, сколько определенная самим автором функция игры в создаваемом им художественном пространстве.

Можно предположить, что А. Иванов, не желая разрушать классический жанр полностью, тем не менее стремится преодолеть его диктат, рефлексии восприятия, иными словами, пытается преодолеть насилие формы. Эта напряженная борьба

⁶ Переосмысление дореволюционной и советской России с точки зрения мистической подоплеки национальной истории – традиционная основа игры, как в постмодернистской (В. Пелевин, В. Сорокин и др.), так и в массовой литературе (один из ярких примеров – книги Станислава Птахи из серии «Суровая готика»).

⁷ URL: <https://www.litres.ru/aleksey-ivanov/pischeblok/chitat-onlayn/> (дата обращения 27.07.2020).

⁸ Алексей Иванов о новом романе «Пищевом блоке». URL: https://www.youtube.com/watch?time_continue=2&v=ckE_KYqHAMw&feature=emb_title (дата обращения 27.07.2020).

⁹ А. Иванов. «Золото бунта».

содержания и формы соотносится с идеей агрессивной природы национальной истории¹⁰. Подтверждение тому – тематика и проблематика исторических романов А. Иванова: противостояние власти и человечности, иерархии и свободы выбора, религии и веры, имперского центра и провинции.

Но зачем вообще обращаться к столь жесткой форме, как готический роман или неоготический рассказ, заставляя ее бороться с несвойственным ей содержанием, своей масштабностью и неосмысленностью разбивающим эту форму изнутри? Как известно, литературной готике свойственна известная эстетизация ужаса и агрессии – и в ней же заложена возможность их преодоления. Готическое пространство хаотично, замкнуто, неоднородно, наполнено собственной волей, скрывает в себе опасные тайны, играет с героем, угрожая ему гибелью и оставаясь для него непостижимым. Оно запретно, дискретно, но главное – оно создано памятью (о неотомщенном преступлении, о пережитом или непережитом ужасе, о чьей-то смерти и т. д.), следовательно, находится вне привычного хода времени, что подчеркивается пространственными границами («дом с привидениями», «проклятое место», «руины, населенные призраками» и т. д.). Готический мир – это мир вечного возвращения к той временной точке, в которой нарушился правильный порядок вещей, мир, организованный проигрыванием одной и той же ситуации зла и агрессии, иными словами, это мир, созданный страдающей памятью – памятью человека и пространства. Как кажется, именно этот повтор и создает ту изолированность готического пространства, о котором шла речь выше. В таких условиях рождается ощущение страха и неизбежности судьбы, однако в каком-то из циклов при появлении героя (чужака, приходящего извне, нарушающего границу) счастливый финал вполне возможен. Если «чужак» будет действовать в нужном ключе (интуитивно или обладая каким-то знанием), время сдвинется с «мертвой точки», повтор прекратится, произойдет преодоление насилия (правда, часто путем ответного насилия – «убить монстра»). Иными словами, художественная модель готики предполагает возможность гармонизации мира, занятого переживанием прошлого, давая ощущение приятного, контролируемого страха. Именно поэтому подобного рода тексты становятся особенно популярными в кризисные эпохи.

В «Псоглавцах» и «Пищевлоке» А. Иванов, воспроизводя узнаваемые жанровые компоненты готики, подверг значительным изменениям концепцию времени: он заменил готическое время национальным историческим; игровая природа готического пространства и авантюрный тип героя при этом сохраняются. Таким образом, в обоих романах обнажается противоречие: при сохранении жанровой формы готики ее жанровая сущность, включающая концепцию времени, трансформирована. Готический роман или неоготический рассказ, как любые другие жанры, задают определенную модель восприятия действительности, в чем исследователи обнаруживают известный терапевтический эффект: такая литература становится формой выражения и переживания коллективных страхов, определя-

¹⁰ Например, в «Сердце пармы» предлагается концепция национального исторического пути – принести себя в жертву жестокой земле, и в этом подвиге самоотречения присутствует идея насилия, если не над другими, то над собой. «Когда же эта земля и нашей станет? Храмы и города на ней строим, крестим ее, живем здесь уже сколько лет – когда же она и нашей станет? – Когда на три сажени вглубь кровью своей ее напоим» [Иванов, 2016, с. 111]. В «Пищевлоке» мальчик-пионер приносит себя в жертву ради победы над Черным стратилатом, сам становясь им (идея для русской литературы не нова – см. «Убить дракона» Е. Шварца). В «Псоглавцах» речь идет о наказании за «социокультурный проступок» [Маврин, 2011, с. 345].

ется как своего рода коллективная картина мира в кризисные эпохи существования культуры [Botting, 2001]. При этом готика предпочитает оставаться в пределах родового и/или личного времени. Включение в готический хронотоп национального исторического времени может быть расценено как борьба с жанровым канонем. С другой стороны, длительная традиция готической литературы порождает устойчивые рефлексии восприятия, сохраняющиеся и в игровых интерпретациях жанра, и тогда одним из результатов подобной борьбы может стать новая концепция национального исторического времени. Будучи помещенным в условия готической картины мира, оно отчасти наделяется характеристиками традиционного готического времени, ключевой особенностью которого является повторяемость, возвращение в наиболее болезненные моменты прошлого. При этом в любой из итераций сохраняется возможность разрешения конфликта. Подобная «гибридная» модель дает возможность преодоления агрессии, насилия – в том числе и формы. Форма в данном случае – это не только жанр, это и сама история, и извечные русские конфликты, ее организующие, и государство, и любая концепция.

Так, А. Иванов определяет основной конфликт «Пищеблока» как противостояние «мертвого», т. е. формы (государственной идеологии), и «живого» (любовь, дружба)¹¹. Нельзя сказать, что насилие преодолевается окончательно (финалы романов остаются открытыми). Более того, национальная история в целом развивается в единстве и борьбе «формы» (государства, империи, власти и т. д.) и «содержания» (стихийности пространства, чувства, мысли). Противоречивость этой борьбы особенно чувствуется в «Пищеблоке». Слово, ставшее названием романа, – это не только отсылка к опыту советской казённости, это в некотором роде символ борьбы с пожирающей агрессией истории. Вампиры буквально питались пионерами, и главная схватка со злом состоялась именно в пищеблоке лагеря: место невинных полдников – одновременно место, где кровавая история может принимать свою пищу. Но и осознание себя как свободно действующего субъекта истории, совершение сознательного выбора происходит все в том же пространстве лагерной столовой. Эту почти гегелевскую идею единства и борьбы противоположностей поддерживает и художественный метод Иванова: достаточно жесткая жанровая форма стремится подавить, но одновременно и акцентирует историософское содержание романов.

В таких условиях возможна реабилитация смысла национальной истории. Романы А. Иванова вообще отличает борьба с пустотой пространства – культурного или географического. Интересно, что описанный процесс поддерживается возможностью личного переживания, личного участия в игре истории, введения в ход глобальных событий личного времени¹². Герои романов А. Иванова близки современному читателю в той или иной части своего культурного опыта (увле-

¹¹ Алексей Иванов о новом романе «Пищеблок».

¹² Личное у А. Иванова вполне способно соединяться с эпикой истории, ср. его рассказ о том, как был написан роман «Золото бунта». Автор долгое время писал «в стол», не имея возможности посвятить себя своему призванию полностью: «Я жил по принципу римских легионеров: “делай, что должно, и будь, что будет”. Но в душе кипел гнев: почему судьба не подпускает меня к тому, для чего я и создан? И в “Золоте бунта” я поставил своего героя Осташу Перехода именно в эту ситуацию. Осташа – прирождённый сплавщик, но его отгоняют от реки и шельмуют. В его душу я вложил собственную ярость. И потому роман про XVIII век для меня в какой-то степени автобиографичен: в нём мои чувства и моя река» (А. Иванов. «Золото бунта»).

ченность компьютерными играми Кирилла, главного героя «Псоглавцев», ностальгия по пионерскому быту летнего лагеря в «Пищевом блоке» и т. д.).

Рассуждая о метамодернизме, А. Иванов апеллирует к опыту компьютерных игр: пройти заново тот же этап, но с новыми умениями и знаниями, с новыми, более сложными задачами. Пространство остается тем же, правила те же, но герой накапливает опыт и умения, позволяющие ему «пройти» квест, победить «босса», пусть для этого придется повторить прохождение много раз. В конце концов какой-то из циклов завершится успехом. «Компьютерный» опыт игры ощущается уже в «Псоглавцах»: само появление Псоглавцев описывается как запустившаяся программа, а виды культурной преемственности в Европе и России рассматриваются как файловые системы разного типа. В этих условиях «вечное возвращение» российской истории перестает быть безнадежным. Иными словами, мы имеем дело с игровыми романами «без фиги в кармане» [Башмакова, 2018], где готическая концепция повторяющегося времени переплетается со стратегией геймплея.

Таким образом, «магический историзм» «Псоглавцев» и «Пищевом блоке» дает надежду на то, что при достаточном усердии и желании, повторяя все те же кризисные моменты истории, раз за разом переживая болезненный распад, мы имеем шанс накопить опыт, который позволит нам когда-нибудь пройти свой национальный «квест». В этом смысле историософия А. Иванова действительно становится игровой, раскрываясь в форме многократных повторений и вариаций. Возможно, в таком виде национальная история все же имеет смысл – прежде всего как процесс самопознания; эту игру можно пройти, зная правила, или хотя бы играть, понимая, что правила все-таки есть.

Список литературы

Башмакова М. «Постоять в стороне от зла невозможно». Писатель Алексей Иванов объяснил Марии Башмаковой, почему в романе «Пищевом блоке» от пионера до вампира – один шаг // *Огонек*. № 43. 2018. 12 нояб. С. 36. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3791870> (дата обращения 28.06.2020).

Бердяев Н. А. Русская идея. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 320 с.

Данилкин Л. Диагностика пармы // *Афиша Daily*. 2006. 13 марта.

Иванов А. Пищевом блок. М., 2018.

Иванов А. Сердце пармы. М.: АСТ, 2016. 507 с.

Колобаева Л. А. Слово и язык как проблема в романах А. Иванова // *Изв. РАН. Серия литературы и языка*. 2020. Т. 79, № 2. С. 13–18.

Кузнецов С. Кровь империи и печень врага // *Русский журнал*. Старое и новое. 2003. Вып. 9. 8 мая.

Лобин А. М. Эволюция историзма в романе Алексея Иванова «Сердце пармы» // *Вестник Вят. гос. гуманитар. ун-та*. 2012. Т. 1, № 2. С. 119–125.

Маврин А. (Алексей Иванов) Псоглавцы. СПб.; М.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2011. 352 с.

Сухих О. С. Социальное и мистическое в романе А. Иванова «Пищевом блоке» // *ПАЛИМПСЕСТ. Литературоведческий журнал*. 2019. № 3. С. 114–125.

Щербино К. Алексей Иванов: «Время покажет, кто Гомер, а кто хрен с горы» // *Полит.Ру*. 2005. 22 дек.

Botting F. (ed.). *Gothic: Essays and Studies*. Cambridge, 2001. 190 p.

References

- Bashmakova M. "Postoyat' v storone ot zla nevozmozhno". Pisatel' Aleksey Ivanov ob"yasnil Marii Bashmakovoy, pochemu v romane "Pishcheblok" ot pionera do vampira – odin shag ["It is impossible to stand aside from evil". Writer Alexei Ivanov explained to Maria Bashmakova why in the novel "Pischeblok" from pioneer to vampire – one step]. *Ogonek*. no. 43, 2018, 12 Nov., p. 36. URL: [https:// www.kommersant.ru/doc/3791870](https://www.kommersant.ru/doc/3791870) (accessed: 28.06.2020).
- Berdyayev N. A. *Russkaya ideya* [The Russian Idea]. St. Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus, 2016, 320 p.
- Botting F. (Ed.). *Gothic: Essays and Studies*. Cambridge, 2001, 190 p.
- Danilkin L. Diagnostika parmy [The diagnostics of parma]. *Afisha Daily*. 2006, March 13.
- Ivanov A. *Pishcheblok* [The canteen]. Moscow, 2018.
- Ivanov A. *Serdtshe parmy* [The heart of parma]. Moscow, AST, 2016, 507 p.
- Kolobaeva L. A. Slovo i yazyk kak problema v romanakh A. Ivanova [Word and language as a problem in the novels of A. Ivanov]. *The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*. 2020, vol. 79, no. 2, pp. 13–18.
- Kuznetsov S. Krov' imperii i pechen' vruga [Blood of the Empire and the liver of the enemy]. *Russkiy zhurnal. Staroe i novoe*. 2003, iss. 9, May 8.
- Lobin A. M. Evolyutsiya istorizma v romane Alekseya Ivanova "Serdtshe parmy" [Evolution of historicism in the novel of Alexei Ivanov "The Heart of Parma"]. *Herald of Vyatka State University*. 2012, vol. 1, no. 2, pp. 119–125.
- Mavrin A. (Aleksey Ivanov) *Psoglavtsy* [The Psoglavtsy]. St. Petersburg, Moscow, Azbuka, Azbuka-Attikus, 2011, 352 p.
- Shcherbino K. Aleksey Ivanov: "Vremya pokazhet, kto Gomer, a kto khren s gory" [Alexey Ivanov: "Time will tell who is Homer and who is a nonentity"]. *Polit. Ru*. 2005, Dec. 22.
- Sukhikh O. S. Sotsial'noe i misticheskoe v romane A. Ivanova "Pishcheblok" [Social and mystical in the novel of A. Ivanov "Pischeblok"]. *Palimpsest. Literaturovedcheskiy zhurnal*. 2019, no. 3, pp. 114–125.

Сведения об авторе

Штуккерт Мария Леонидовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы факультета филологии и журналистики института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия)

sidelnikovamaria9@gmail.com
ORCID 0000-0002-8245-1109

Information about the author

Mariia L. Shtukkert – Candidate of Philology, Assistant Professor of the Department of Russian and Foreign Literature of the Faculty of Philology and Journalism of the Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communication of the Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation)

sidelnikovamaria9@gmail.com
ORCID 0000-0002-8245-1109